

Выслушав Чэнь Ичэня, Фан Шуянь на ощупь отыскал свою чашку и принялся медленно загребать палочками пустой белый рис.

Он ничего не видел и понятия не имел, где стоят тарелки с едой, не говоря уже о том, чтобы попытаться что-то взять. Раз уж дотянуться до закусок не получалось, приходилось жалобно жевать один лишь рис. Вкуса никакого, зато хоть голодным не останешься.

Чэнь Ичэнь, видя, что тот ест лишь пустую крупу, сразу понял, о чем думает Фан Шуянь. Он подцепил палочками немного обжаренных кабачков и положил ему в чашку со словами:

— Мне это не нравится, доедай, чтобы ничего не осталось.

Затем он взял кусочек паровой рыбы, тщательно выбрал из него кости и только после этого отправил в чашку Фан Шуяня, снова покрывив душой:

— Рыба пресная, я такое не люблю, забирай себе.

«...Ну надо же, я что, мусорное ведро? Все, что тебе не по вкусу, сваливаешь мне, да еще и отказать нельзя. Впрочем, надо признать, еда довольно вкусная. Чэнь Ичэнь — настоящий капризный привереда», — подумал про себя Фан Шуянь.

Хотя в мыслях Фан Шуянь был весьма красноречив, внешне он выглядел так, будто просто застыл с чашкой в руках. Его большие глаза, лишенные блеска, смотрели в пустоту, и оттого он казался невероятно невинным и незащищенным — вид у него был такой, что так и хотелось поиздеваться.

— Что, есть возражения? Еще и нос воротишь, когда тебе дают еду? — бросил Чэнь Ичэнь.

— Нет... — тихо ответил Фан Шуянь, послушно поедая то, что ему подложили.

— Раз нет, то ешь, — сказал Чэнь Ичэнь и принялся подкладывать в его чашку другие блюда.

Для Фан Шуяня эта трапеза превратилась в лотерею: что подцепил, то и съел. Когда ему попалась горькая дыня, его лицо тут же скривилось в гримасу.

Так они и закончили обед в этой странной атмосфере: один подкладывал, другой ел. Из-за строгого требования Чэнь Ичэня ничего не оставлять, Фан Шуянь был вынужден доесть всё до последней крошки. В итоге он, разумеется, переел и теперь мог лишь беспомощно откинуться на изголовье кровати.

Глядя на него, Чэнь Ичэнь с пренебрежением заметил:

— Ты что, свинья? Не знаешь, когда остановиться? Если не лезет, зачем запихивать в себя?

Уголок рта Фан Шуяня дернулся.

— Ха... разве не ты сказал, что нельзя ничего оставлять? — не удержался он от колкости.

— Я сказал, а ты сделал? Не знал, что ты такой послушный, — парировал Чэнь Ичэнь.

«Ага, конечно, спорить с тобой бесполезно. Ты здесь главный, что бы ты ни сказал — всё верно, что мне еще остается?» — мысленно огрызнулся Фан Шуянь.

— Врач сказал, что результаты обследований в норме. Нужно просто вовремя принимать лекарства и проходить осмотры. Завтра тебя выпишут, я пришлю Чу Бая, он тебя заберет, — сказал Чэнь Ичэнь, глядя в телефон.

— Понял, — голос Фан Шуяня прозвучал бодро; новость о завтрашней выписке его явно обрадовала.

Экран телефона Чэнь Ичэня в этот момент был открыт на переписке с управляющим. Там тянулся длинный список сообщений, отправленных самим Чэнь Ичэнем: перечень того, что Фан Шуяню нельзя есть, его вкусовые предпочтения и привычки.

Увидев, что время обеденного перерыва подходит к концу, Чэнь Ичэнь, сказав всё необходимое, покинул палату. Мужчина, который пришел вместе с ним, вышел следом.

На подземной парковке больницы Чэнь Ичэнь, сидя на заднем сиденье Майбаха, обратился к мужчине, стоявшему у двери машины:

— Дядя Гу, в доме Му Чэньсюаня освободили гостевую комнату. Завтра Чу Бай заберет Фан Шуяня из больницы, посели его там. Список того, что ему нельзя и прочее, я отправил тебе в сообщении, ознакомься. Я поехал в офис.

— Слушаюсь, молодой господин, — ответил дядя Гу.

<http://bllate.org/book/21038/2139984>